

Зритель дает оценку: хорошо!

Гастроли Московского театра комедии доставляют клампедчанам немало удовольствия. Мы посмотрели уже несколько спектаклей их довольно разнообразного репертуара. Но я, наверное, не ошибусь, если скажу, что наибольшее впечатление производят комедия В. Шкваркина «Чужой ребенок», которая вот уже четверть века веселит зрителей своим неистощимым остроумием, и комедия современного испанского драматурга А. Касона «Дерево умирают стоя».

В комедии Шкваркина привлекает проблема становления нового человека, решенная без резонерства, без деклараций, но глубоко и естественно, с искренней любовью к людям.

Сенечка Перчаткин, зубной техник, — личность до предела ограниченная. Его любовь может лишь вызвать улыбку, да и то у очень доброго человека. Но вот Сенечка, ставший виновником жестокой сплетни, почувствовал возмущение нравственного подвига. Он вырастает в собственных глазах, приняв твердое решение жениться на Мане, ожидающей ребенка. И вдруг такой удар: никакого ребенка нет и никогда не было! Подвиг отменяется. Какое искреннее отчаяние звучит в его словах: «Отдай мне моего чужого ребенка!» И если некоторые зрители в этом месте смеются, — пусть это останется на их совести. Артист Н. С. Ермаков играет с искренним сочувствием к своему незадачливому герою.

Полюбилась зрителям и талантливая актриса В. В. Светланава. Выразительна ее своеобразная Евгения Василь-

евна в драме Рачады «Люди в шинелях», отзывчивая, добрая, но со слабостями Анна Ивановна в пьесе Розова «Перед ужином». И поистине великолепна ее бабушка в комедии А. Касона «Дерево умирают стоя». Слабая, беспомощная в нетерпеливом ожидании внука, в котором сосредоточилась вся ее жизнь, она становится несокрушимой в своей гордости, величественной в своем презрении.

Интересна по замыслу пьеса В. Розова «Перед ужином». Всего два часа из жизни простой советской семьи, но эти два часа наполнены значительными событиями.

Пьеса многопроблемна и, как почти все пьесы Розова, обращена прежде всего к молодежи. Какой должна быть настоящая семья, может ли в век «атомного ядра и космической техники» быть идеальная, высокая любовь, как различить махровое мещан-

ство за красивыми словами: «Да знаешь ли ты, сколько тысяч людей в это стекло свой труд вложило?» (это по поводу нечаянно разбитого стекла). Но за красивыми словами могут стоять и разбитые жизни, и надломленные характеры. Так случилось у Иллариона Егорова, который пошел на такое преступление, как приписки, даже не понимая, что это преступление, потому что оно пряталось за красивым словом: «Надо выручать пронаводство. Мы о выполнении государственного плана работаем» — или что-то в этом роде.

Культа нет, но последствия его еще остались, и эти последствия мешают людям жить — таков еще один, пожалуй, главный мотив пьесы.

Но то ли эта многопроблемность, то ли недостаток драматургического материала, а может быть, недоработка режиссуры, помешали те-

атру создать монументальный спектакль. Осталось впечатление недоговоренности, нерешенности почти каждой проблемы. Довольно независимо покидает сцену Серегин, только что высказавший свою заветную мечту, что «его еще назад понесут», старое вернется вновь. Ничто в пьесе не противопоставлено потлым высказываниям Валерия о семейной жизни. Точнее, в пьесе противопоставлены высказывания Гриши, но они звучат куда менее убедительно.

И, наконец, мне хочется сказать еще несколько слов в защиту пьесы «Собака на сене». К сожалению, было очень обидно слышать во время «театрального разъезда» мнение о комедии Лопе де Вега: «Пьеса не особенно хорошая». А ведь дело не в пьесе. Просто зрители, по моему, не рискнули предположить, что тут неудача актеров.

Действительно, пьеса написана остроумным, живым, но не прозаическим языком. А стих надо «донести». Впрочем, как и прозу. Но, стремясь создать «испанский ко-

лорит», имитировать испанскую живость речи, артисты немилосердно «гнали» текст, так что не только вкусить соль остроты, но порой и понять смысл ее было совершенно невозможно.

И еще одно. Демократичность великого драматурга сказывалась, конечно, в том, что он создавал замечательные образы слуг — умных, плутоватых, насмешливых. Таков его Тристан, которого очень интересно играет артист Н. А. Скоробогатов. Но все-таки в пьесе над дряхлыми представлениями о чести торжествовала любовь, а в спектакле торжествует плутовство, ибо в плутовство Тристана веришь безусловно, а в любовь Дианы и Теодоро — с большой натяжкой.

Нельзя не поблагодарить художника театра Л. Г. Андреева за очень экономное и оригинальное решение декораций в спектакле «Собака на сене». Условность декораций даже подчеркивается тем, что они передвигаются порой при открытии занавеса, но это сделано с хорошим чувством меры.

В. ГЕРЖА.